

ХРАМ БОГА ХАЛДИ

В юго-западной части цитадели Эрбунни раскопки 1950—1955 гг. открыли остатки огромного сооружения или комплекса различных помещений, занимающих здесь подчеркнутое место и расположенных смежно с южной стороны дворца (рис. 3).

Раскопки 1956 г. показали также, что территория перед входом в этот комплекс была частично крытой, о чем говорят обнаруженные стены, пилоны, балки от перекрытия, а также жерди и камыш.

Наличный комплекс как по абсолютным размерам своих помещений, так и по характеру их архитектурных форм в общей плановой композиции раскрываемой части цитадели занимает наиболее подчеркнутое и доминирующее положение. Последнее обусловлено и расположением данного комплекса непосредственно у ворот цитадели, где вделанная в стену клинопись Аргишти, сына Менуа, повествует об основании Эрбунни.

Этот комплекс состоит из пяти помещений. Два из них представляют большие залы, к которым примыкают две комнаты, видимо подсобного назначения. Пятое помещение имеет мощные стены, большой центральный пилон и лестницу вокруг него, ведущую на крышу или же на башню. Исследование этого комплекса показало, что он имеет явные следы пристроек и перестроек, которые и создали его наличную архитектурную форму, отличную от первоначальной. Наиболее крупной из таких пристроек является юго-восточная часть большого тридцатиколонного зала, который был достроен к портику первоначального сооружения, что подтверждается исследованием как архитектурных форм, так и конструкции и материалов обеих частей рассматриваемого памятника. Прежде всего бросается в глаза, что стены первоначального сооружения и пристройки, не имеющие необходимой конструктивной связи, приставлены одна к другой. Так, по указанной границе пристройки, с внутренней стороны колонного зала, виден выложенный из туфа некогда внешний угол башнеобразного сооружения, к которому и была приставлена последующая стена.

Различие касается и самой кладки стен. Ранние стены имеют цокольную часть, выложенную из туфа и базальта вперемежку. Система кладки стен напоминает так называемую кладку «мидис», которая легла в основу последующего древнеармянского зодчества и нашла там не только широкое применение, но и дальнейшее развитие и усовершенствование.

Стены пристроенной части, в отличие от первоначальных, имеют цоколь, выложенный с внутренней и внешней сторон всего из одного ряда базальтовых блоков чистой тески. Надо полагать, что подобная обработка камней, принадлежащая послеурартской эпохе, имела традицию, идущую от Тейшебаини, где было обнаружено много блоков из базальта чистой тески.

При раскопке базальтовых плит, служивших основанием баз для деревянных колонн, мы видим, что и они различны в обеих частях сооружения. В пристроенной части, в отличие от ранней, эти основания выложены из более мелких плит, изготовленных из более мягкой породы туфа. В древней части камень плит напоминает тот туф, из которого сложен храм *Susi*.

Поскольку пристройка была осуществлена значительно позже основной части сооружений, различными оказались и их архитектурные формы, как, например, контрфорсы фасадных стен. В пристройке они значительно уже, чем контрфорсы основной части (рис. 40а).

Эти различия контрфорсов по пропорциям не являются случайностью. Так, построенные ранее более широкие и, следовательно, более мощные контрфорсы хорошо сочетались в пропорциональном отношении с формами монументального башнеобразного сооружения. А в позже сооруженной части, где подчеркивалась одна лишь плоскость главного фасада, пропорции контрфорсов были приняты иными.

Дальнейшими раскопками (1958), когда была открыта вторая клинопись Аргишти об основании Эребуни, помещенная на стене у входа в цитадель, стала ясной принадлежность данной стены урартской эпохе, и деление строительных остатков на урартские и послеурартские не представлялось трудным делом. Совершенно очевидно, что зал на Арин-берде, имевший вид ападаны, не был изначальным, а был создан после пристройки значительной части к более раннему храму, имевшему портик, хорошо известный в храмах типа Бит-Хилани.

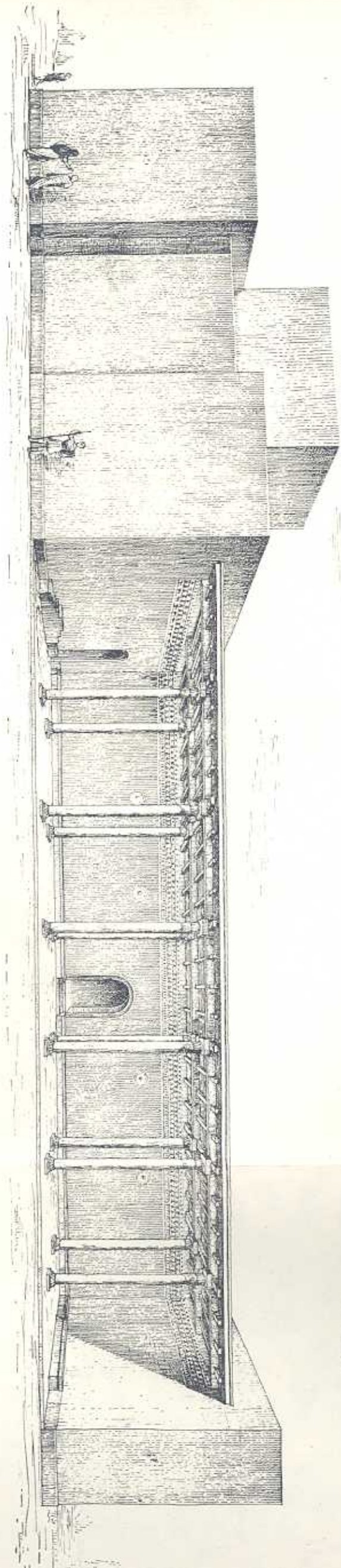
Наконец, обе рассматриваемые части разграничены между собой также и линией фундамента, который, однако, стал раскрываться только лишь в 1960 г.

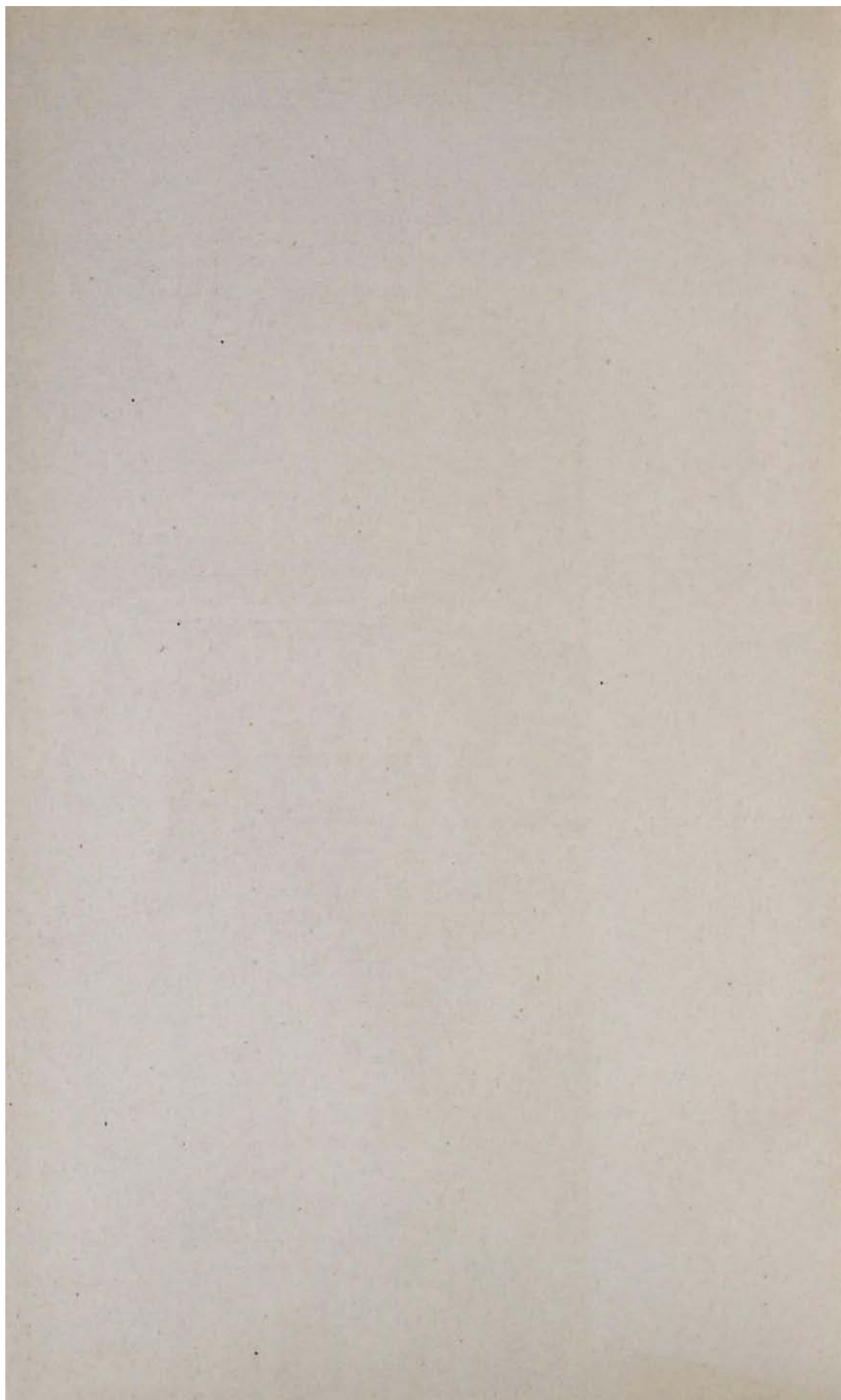
Итак, исключив позднейшую пристройку, нетрудно получить архитектурные формы первоначального сооружения. Оно состояло из большого зала, одного смежного с ним подсобного помещения, помещения с пилоном, служащего лестницей, ведущей на плоское перекрытие или в башню (рис. 25а, 25б).

Стены сооружения хотя и оказались разрушенными, однако местами сохранились до 3,1 м. Это обстоятельство позволило дать реконструкцию общих форм здания. В реконструкции не могли быть отмечены какие-либо архитектурные детали (рис. 27). Будучи выложенными из сырца-кирпича, они, так же как и все стены выше цокольного ряда, разрушились, совершенно потеряв свою форму.

Первым из помещений этого комплекса в 1950—1951 гг. был раскопан зал, расположенный по наружному контуру цитадели. Отрезок его

Рис. 27. Хра́м бога Хапи, Перомптукум.

внешней юго-западной стены, теперь почти бесследно потерянный, за исключением еле заметных следов фундамента, является вместе с тем наружной стеной цитадели. Этот, довольно больших размеров, зал сохранил лишь одну продольную и отрезки двух поперечных стен высотой до 3,1 м. В остальной своей части зал полностью разрушен, но по следам фундаментов можно восстановить его план, представляющий прямоугольник (8×37 м).

Плохая сохранность зала не позволила обнаружить следы каких-либо опор для его перекрытия. Между тем, как показывают раскопки урартских построек, помещения подобной ширины всегда имели в своем продольном направлении опоры в виде колонн или пилонов. Наглядным является пример зала арин-бердского дворца или же так называемое «большое здание», раскопанное А. А. Ивановским в Ташбуруне³⁵. В них можно видеть базы от вертикальных опор, поддерживавших перекрытие. Поэтому следует полагать, что и в данном случае на продольной оси этого зала в свое время могли быть установлены деревянные колонны.

С южной стороны к этому залу примыкала небольшая комната, общавшаяся с ним дверным проемом. По-видимому, эта комната являлась подсобной по отношению к большому залу.

Под полом зала и портика было обнаружено интересное сооружение — канал, отводивший дождевые воды с площади перед зданием за пределы цитадели, как и в перистильном дворе дворца. Раскопки показали, что этот канал, высотой в 0,7 м, был покрыт рядом плоских камней, а под массивными стенами, кроме того, было уложено семь балок, несших всю тяжесть стены. Примечательно, что эти деревянные балки прекрасно сохранились и до наших дней; на них видны следы их обрушения металлическим топором (рис. 61).

Весьма любопытной деталью этого зала был пол, выложенный из деревянных досочек. Хотя эти досочки были открыты в сильно поврежденном состоянии, все же представилась возможность выяснить их форму и размеры, по которым они оказались очень близкими к современному паркету.

Как показали раскопки, рассматриваемый зал имел богатое оформление своего интерьера и портика. Стены его были украшены многокрасочными росписями, составлявшими композиции с изображениями богов, что указывает на то, что этот зал был храмовым помещением (рис. 29—32). По форме он был близок к ассирийским храмам, в частности к храмовому помещению дворца Ашурназирпала II, где были помещены статуя царя и жертвенник. Именно для ассирийских храмов характерна вытянутая прямоугольная форма помещения, обусловленная длиной деревянной балки. Рельефы, которые украшали стены ассирийских храмов, в рассматриваемом храме были заменены росписями, также не чуждыми ассирийскому искусству.

³⁵ А. А. Ивановский. Указ. соч., стр. 32.

Данный храм, как и Susi, также поставлен по диагонали в отношении стран света, как это обычно для храмов Месопотамии.

Обращаясь к архитектуре главного фасада, можно видеть, как массивная монументальная стена, столь характерная для этого зодчества, отступает назад, и на первом плане храма бога Халди оказывается легкая деревянная колоннада. На главном фасаде храма был сооружен портик, состоявший из 12 колонн, размещенных в два ряда, которые, подчеркивая вертикальную устремленность, придавали фасаду нарочитую легкость. Этот тип фасада, характерный для Бит-Хилани, определенно связан с архитектурой жилого дома. Примеры, подтверждающие сказанное, можно найти в жилых кварталах Тейшебаини, где деревянные колонны очень часто встречаются как в виде опоры перекрытия комнат, так и поддерживающими навесы на дворах³⁶.

Южная часть фасада рассматриваемого храма стоит в отношении к северной как бы в контрастном сочетании, противопоставляя ее легкой колоннаде монументальную башню, напоминающую зиккурат (рис. 27).

Таким образом, и тут проявляется принцип асимметричных решений, столь характерный для архитектуры Двуречья.

Асимметричные композиции, характерные для памятников урартского зодчества, определяют большие возможности живописного и перспективного восприятия форм. В связи с этим всегда, даже при необходимости стереотипной передачи форм, композиция сбивается на асимметрично поставленные элементы.

Обращаясь теперь к башнеобразному сооружению, или к так называемому зиккурату, отмечаем, что и он в своем плане имеет некоторое несоответствие с точки зрения симметрии, не связанное, однако, с указанным здесь принципом, а имеющее конструктивное обоснование. Это проявляется в утолщении северной стены, на которую именно и ложилось плоское перекрытие портика. Внутри этого помещения находится массивный пилон, оставлявший для обхода вокруг себя лишь небольшой коридор. По аналогии с цитаделью на Кармир-блуре можно заключить, что это помещение заключало в себе лестницу, ведущую наверх. Раскопанные вокруг пилона, туфовые камни серого тона и получистой тески принадлежали, видимо, завершению этого пилона, который, образуя башнеобразную форму, имел соответствующий карниз. В таком виде архитектурно-пространственная композиция сооружения как снаружи, так и внутри создавала своеобразные формы. В представленном в нашей реконструкции виде эта башнеобразная форма отдаленно напоминает зиккураты Двуречья.

По мнению Б. Б. Пиотровского, в VII в. до н. э. Эребуни пришел в упадок и был заброшен, и именно тогда многие предметы из его кладовых были перенесены в Тейшебаини, где и хранились до последнего дня его существования. По надписи на щитах, найденных среди этих предметов, устанавливается, что они были посвящены верховному богу урарт-

³⁶ К. Л. Оганесян. Архитектура Тейшебаини, стр. 30—31.

ского пантеона — богу Халди, изображение которого имеется и в росписи в виде фигуры бородатого бога, стоящего на льве. Мы хорошо знаем, что именно лев был символом Халди, в то время как бык относился к Тейшебе. Поскольку посвященные щиты должны были быть размещены на стенах храма, то мы их и показали развешенными на стенах реконструированного храма, считая, что и весь храм был посвящен Халди. Это предположение подкрепляется еще и тем, что бог Халди являлся также богом войны, а Эребуни, как это теперь известно, являлся крупным военным центром страны.

Описанный тип урартского храма, раскопанный на Арин-берде, не был единственным. В течение длительного периода своего существования урартское зодчество создало различные типы храмовых построек, которые в настоящее время известны по многочисленным текстам клинообразных надписей. В этих надписях можно найти упоминания о культовых постройках, к которым относятся: Ê — дом (бога) — храм, Ê-Baġ — храм, *lagani* — часовня, *âstîlu* — ворота богов и *Susi*, теперь уже известная архитектурная форма. Возможно, что, кроме них, воздвигались и другие сооружения, также имевшие религиозно-культовое назначение — предположение, возникшее в результате анализа некоторых урартских текстов, предложенного Гр. Капанцяном, который в терминах *burgani* и *bagzudi* — *bidu* видит именно обозначение священных построек³⁷.

Между тем при таком значительном количестве видов урартских храмов их наличные остатки представляют весьма ограниченное число, и потому наши сведения о храмовой архитектуре Урарту основываются на комплексном рассмотрении всего материала. Выявленные характерные примеры храмовых построек приводят, однако, к двум принципиально различным типам, которые, по всей вероятности, и являлись основными в развитии культурного зодчества Урарту.

Вместе с тем это не означает, что все храмы, известные по надписям, составляли всего два типа. Первый из этих типов представляет храм прямоугольного плана с входным проемом, устроенным с корогкой стороны прямоугольника, которая и становится главным фасадом сооружения. Этот тип урартских храмов, независимо от различия своих архитектурных решений, в частности, представляют: храм, раскрытый на вершинах Топрах-кале, храм в Мусасире, известный по ассирийскому изображению и, наконец, *Susi* на Арин-берде.

Другой тип также представляет прямоугольное сооружение, однако входы в него здесь устроены со стороны продольной стены прямоугольника. Данный тип представляют: большое здание или храм, раскрытый в Ташбуруне, и арин-бердский храм бога Халди. Оба эти типа связаны с ранними архитектурными традициями, бытовавшими и в других странах древнего Востока. Так, например, для храмов первого типа, имеющих

³⁷ Гр. Капанцян. История Урарту. Ереванский государственный университет. Научные труды. Т. XIV. Ереван. 1940 (на арм. яз.), стр. 78—79.

прямоугольный план с входом, устроенным с торца, можно найти некоторую аналогию среди архитектурных форм стран, сопредельных Урарту. В связи с этим в литературе часто, как пример, приводятся план Тель-Тайнатского храма-мегарона (Сирро-Хетты) или отдельные архитектурные детали памятников в Ливии и Пафлагонии. Но эти аналогии, связанные лишь с общей формой, убеждают нас в том, что первый тип храма получил на урартской почве самобытное развитие, следовательно, мусасирский храм на подиуме с фронтоном и колоннадой следует рассматривать как результат творческих исканий урартских зодчих.

Архитектурная форма храма Susi имеет весьма большое значение не только для характеристики храмового зодчества Урарту, но и для определения всего последующего развития культового зодчества уже христианской эпохи древней Армении, у историков которой, как основная архитектурная форма, появляется прямоугольная в плане постройка, завершенная апсидой, и близкая к Susi. Следовательно, совершенно определено, что в эволюционный процесс раннехристианских культовых сооружений древней Армении включились и долго жившие типы урартских храмов.

Рассматривая второй тип урартских храмов, можно привести уже целый ряд аналогий из архитектуры древнего Востока, где подобная композиция кладется в основу при создании храмовых сооружений, как отдельно стоящих, так и в комплексе дворцов. К ним относятся храмы городов Упи, Абу в Ашнуаке, Иштар в Вавилоне, храмы в Тель-Халафе и др. Еще ближе будут ассирийские аналогии, о которых уже говорилось выше. Эти формы связаны с Бит-Хилани, характеризующимся колоннадой портика. Башня, помещенная у фасада арин-бердского храма, также может быть связана с зиккуратами, часто сопутствующими храмам рассматриваемого типа.

Наши представления о типах урартских храмов не могут считаться окончательными, пока мы располагаем небольшим археологическим материалом и пока мы не будем знать реальное содержание урартских терминов, употреблявшихся для обозначения храмовых сооружений.

Понять формы храмов можно только при знании культовых церемоний, связанных с религиозными представлениями, которые, несомненно, вносят определенные дополнения в пространственные построения форм храма. Что касается урартской религии и связанных с ней мифов, то наши сведения по этим вопросам еще крайне скудны. Известно, однако, что в урартских культовых церемониях особое место занимали жертвоприношения рогатого скота, а может быть и человеческие³⁸. Имели также место подношения богам различной утвари, оружия, доспехов и т. д., о чем часто упоминают клинообразные надписи, сделанные и на самих посвященных предметах.

Жертвоприношения сопровождалась молениями перед статуями богов или перед небольшими статуэтками, находимыми около жертвенников.

³⁸ Б. Б. Пиотровский. Урарту, стр. 273—274.

Местом, где происходили культовые церемонии и жертвоприношения, являлись храмовое сооружение или площади перед ними, святилища, портики и т. д.

Итак, с культовыми церемониями, происходившими в урартских храмах, прежде всего связаны жертвенники — пока что единственно известные нам атрибуты жертвоприношений. В данном случае можно констатировать лишь то, что жертвенники или другие предметы, связанные с жертвоприношениями, как, например, котлы, устанавливались как внутри храма, так и перед их главными фасадами. Именно потому монументальные скульптуры и бронзовые декоративные посвятельные предметы помещались не только внутри храмов, но и перед главными фасадами, что видно на примере мусасирского храма.

Выше уже указывалось на то, что в ранних памятниках древнеармянского зодчества можно видеть пережитки древних традиций, восходящих к Урарту. Так, между планами однонаправленных базилик Танаатванка, Дилаклара, Двина и др., с одной стороны, и планами арин-бердского и ташбурунского храмов, с другой, — имеется много общего. В этих древнеармянских базиликах довольно четко прослеживается наличие и в урартских постройках стремление подчеркнуть продольную стену сооружения, превращая ее в главный фасад, и раскрыть за ним внутреннее пространство в поперечном направлении. В этом отношении весьма характерна базилика Танаатванка или Джрвежа³⁹, имеющая всего один выход, устроенный в продольной стене. В остальных же ранних базиликах, где входы устроены как в поперечной, так и в продольной стенах, в последних обычно их число удвоено, чем опять-таки подчеркнута значимость продольной стены, как главного фасада.

Наконец, именно с продольной стороны, как на армянских, так и на рассмотренных урартских памятниках, возводятся дополнительные сооружения, обычно портики.

Здесь следует вспомнить мнение Г. Глюка о происхождении однонаправленных христианских церковных зданий Армении, рассматривавшего их как результат северо-месопотамской эволюции. Г. Глюк также считает, что из смешения этих традиций (помещения широкого типа) с христианским эллинизмом (помещения продольного типа) именно и возникли упомянутые планы древнеармянских храмов⁴⁰.

Приведенную точку зрения Г. Глюка можно, как нам представляется, признать лишь после перенесения истоков развития этих памятников однонаправленной архитектуры Армении из северной Месопотамии и Сирии в глубь веков — в Урарту.

³⁹ Раскопки Джрвежской базилики производились в 1959 г. И. М. Токарским.

⁴⁰ Heinrich Glück. Die hellenistische Überlieferung: Das tonnengewölbte Langhaus. Josef Strzygowski. Die Baukunst der Armenter und Europa, 1918. Т. I, стр. 373—417.